

Образ Константинополя в русском национальном сознании и внешней политике России

Александр Задохин

В раннем Средневековье, когда закладывались основы русского национально-го сознания, Константинополь воспринимался центром православного мира, но стал символом “первого”, главного города русских земель, центром их мироздания и образцом для подражания. Все остальное и позже, хотя и могло быть отождествлено по характеру организации культурного и социально-политического пространства с понятием “Город”, не обладало соответствующим первичным символическим статусом из-за своей вторичности.

В последующее время появляются новые города – ориентиры национального мирокосмоса. Это такие, как “мать русских городов” Киев, Москва, Петербург и др.

Но образ Константинополя по-прежнему занимал особое место в русской памяти. Его не затмило и новое название Стамбул. Более того, русские упорно не признавали это переименование.

В советское время образ града Константина стирается или ослабевает, уходит куда-то вглубь нашего сознания. А ведь вокруг этого города строилась вся российская идеология и даже внешняя политика. Правда, в опосредованном виде, если приглядеться, внешняя политика современной России продолжает “воевать” за Константинополь. И дело не только в геополитике...

Начиная с первых летописей и вплоть до наших дней, образ Первого города находит свое отражение в различных литературных произведениях, то есть, становится неотъемлемой частью национального сознания. Русская

душа на протяжении нескольких веков стремилась к овладению Константинополем, но никак не могла это осуществить. Выражая это трагическое стремление, Александр Блок писал:

*Русь моя...
Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских вершин не дошла...*

(“Русь моя... . 1910 г.)

ЗАДОХИН Александр Григорьевич – доктор политических наук, профессор.

Ключевые слова: Константинополь, Византия, Москва – Третий Рим.

Реконструировать место Константинополя в русском сознании и роли этого символа в формировании внешней политики России можно с помощью исследователей Русского Севера, считающих что население северных сел долгое время являлось хранителем первоисточников русского языка и сознания. В частности, отмечается, что на Русском Севере можно найти отголоски того времени, когда Константинополь воспринимался образцом и первым городом русских земель. Отсюда идет толкование названия одного из первых городских образований русских земель – Новгорода, то есть нового города по отношению к Константинополю.

Христианизация русских земель способствует тому, что княжеские резиденции, претендующие на символический статус города, подобного Константинополю, стремились воспроизвести его у себя в той или иной форме.

Так, в Киеве, Полоцке и Новгороде строятся храмы по образцу главного храма Константинополя – Святой Софии и Золотые ворота.

Изображение Константинополя присутствует на стенах русских церквей и в иконах.

Например, летописец второй половины XV в. монах Епифаний заказывает известному иконописцу того времени Феофану Греку, приехавшему на Русь из Византии, “красками написать ... изображение великой Софии Цареградской, которую воздвиг великий Юстиниан...”.

Причем по словам Епифания, “изображение храма” стало образцом подражания: “От того листа была великая польза и прочим московским иконописцам, так как многие перерисовывали его себе, соревнуясь друг перед другом...”.

Таким образом, по отношению к Константинополю осуществлялся процесс первичной самоидентификации.

Тот факт, что образ Константинополя воспроизводится в литературных произведениях значительно чаще, чем Иерусалим, может свидетельствовать и о том, что его значение как ориентира формируется раньше принятия русскими землями христианства. Это не удивительно. Ведь восточные славяне, проживая на известном пути “из варяг в греки”, давно были знакомы с Константинополем и не могли не восхищаться его великолепием.

Дело в том, что пока Рим переживал свой упадок, Константинополь, напротив, становится в IX–XII вв. центром культурной жизни всего Восточного Средиземноморья и Балкан, а “греческое православие вовсе не было восточной периферийной ветвью христианства”. “Оно составляло духовный и цивилизованный центр христианского мира, оказавший мощное влияние на его периферию – западную (католическую), северную (славянскую и северокавказскую), восточную (азиатскую) и южную (африканскую)”¹.

Пожалуй, по своей значимости для российского общественного сознания с положительным образом Константинополя как внешнего ориентира российского сознания досоветского периода может сегодня соперничать только отрицательный образ Америки.

Известные нам письменные источники говорят о наличии связей русских земель с Византией в 40-х годах IX в.

Первые контакты восточнославянских, а затем русских княжеств с Византией носили конфликтный характер.

Византийский писатель Михаил Пселл пишет про русских, что “это варварское племя всегда питало яростную и бешеную ненависть против греческой игомнии; при каждом удобном случае изобретая то или иное обвинение, они создавали из него предлог для войны с нами”².

Уже первые русские летописи рассказывают о походах легендарных основателей Киева Аскольда, Дира и Кия на Константинополь. А Пушкин воспел поход язычника князя Олега на Византию и его действие – символическое водружение своего боевого щита на “врата Царьграда”.

Но, судя по археологическим исследованиям и находкам отдельных кладов, о Византии в восточнославянских, русских землях знали значительно ранее образования Киевского княжества.

Как считал академик Б.А.Рыбаков, это является свидетельством раннего – (VI в.) переселения антов – предков восточных славян на Балканы в пределы Византийской империи³.

Предки восточно-славянских племен в составе тех или иных варварских орд и варяжских дружин участвовали в походах на Византию. Не они ли вместе с ханом Аспарухом – предводителем одной из двух болгарских орд, перекочевавших из степей Северного Крыма на Балканы и основали Первое Болгарское царство (681 г.), далекого предшественника современной Болгарии. Продолжением этой “традиции” были походы киевского князя Святослава Великого (IX в.), который вывел границы своего княжества к Дунаю и уже воевал с соседями Византии – болгарями. Не случайно, что на основании завоеваний этого воителя некоторые исторические источники доводят южные границы Руси вплоть до болгарского города Велико Тырново.

Походы на Византию не преследовали буквально ее завоевание – это было не под силу ни Болгарскому царству, ни русским княжествам. Начальная Киевская летопись сохранила нам содержание нескольких героических песен “дружинной поэзии”. Их главной темой были набеги на Константинополь.

Целями походов являлись получение откупа или завоевание добычи.

Они могли преследовать и геополитические цели – показать свою силу и выйти из-под данничества Византии. Ведь могущественная Византия контролировала все окружающее ее пространство. Различные племена и государства платили ей дань. Не исключением были и русские земли. Попытка выйти из-под контроля наказывалась тем, что по указке Империи соседние печенеги и половцы совершали набеги на южные русские города и селения.

Языческое верование русских ставило их автоматически в разряд варварских нелегитимных предводителей. И это в то время, когда в течение VIII–IX вв. многие европейские правители и “братья” южные славяне уже приняли христианство. Первые – от Рима, а вторые – от той же Византии.

Так и перед русскими князьями неизбежно должен был встать вопрос о принятии христианства, то есть сравняться с ними в близости к Богу, приобщившись к христианской церкви. И вот в 988 г. князь Владимир Святославович решил ввести свое княжество в лоно восточно-христианской церкви.

Но это не примирило Византию и Русь. Напротив, все больше усиливается их соперничество. Византийская империя по-прежнему воспринимается как угроза. Но к геополитике добавляется соперничество церковей и столиц.

Фактически русские князья завоевали право на крещение, то есть право быть равными, прежде всего, самой Византии, а также тем государствам, которые приняли христианство ранее. Конечно, принятие христианства не могло поколебать реально существующего неравенства в отношениях русских княжеств и Византии. Вплоть до самого момента взятия в 1453 г. турками-османами Константинополя Византия продолжала претендовать на вселенскую и божественную исключительность.

Всеми возможными способами (военными, политическими и дипломатическими) Византия поддерживала свой статус.

Главным аргументом была даже не сила, а – традиция и богословская доктрина.

Последняя как раз и разрушала надежды варварских правителей, ожидавших, что с принятием христианства они смогут сравняться с византийским престолом. Напротив, став христианами, эти правители переставали быть просто данниками могучей империи, а уже официально попадали под ее юрисдикцию, освященную как раз той церковью, к которой они стремились приобщиться. Ибо согласно церковной догме, император ромеев являлся главой всех христиан.

В изречении апостола Петра “бога бойтесь – царя чтите” византий-

ские богословы видели указание на это.

Особенностью политического строя Второго Рима было и то, что в отличие от Рима Первого, где Церковь возвышалась над светской властью, византийский император являлся главой восточно-христианской церкви.

Падение Второго Рима потрясло весь христианский мир, особенно русские княжества.

С этого момента в головах всех политических и религиозных деятелей Европы зарождается сверхидея – освобождение Константинополя от исламского ига. Причем, чем больше проходило времени с упомянутого трагического события, тем больше волновала судьба Константинополя и православных народов Османской империи.

Например, у И.А.Бунина в его стихотворении есть такие строки:

*Был победитель славен и богат,
И затопил он шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьград,
И предался, как сытый лев, покою.

И прах веков упал на прах святынь,
На славный город, ныне полудиккий,
И вой собак звучит тоской пустынь
Под византийской ветхой базиликой.*

(“Стамбул”, 1905 г.)

Трагично и то, что многим россиянам пришлось после Гражданской войны 1918–1921 гг. и “булгаковского бега” из России найти свое убежище в Константинополе. Тогда, в 20-х годах XX в., Царьград встретил их неприветливо.

Об этом можно прочесть в воспоминаниях русских эмигрантов, например, у Александра Вертинского. Трудная жизнь русских в легендарном городе изображается и в литературных произведениях. Вспомним хотя бы известное драматическое произведение Булгакова “Бег”. Интересно отметить, среди эмигрантов были также и поэты, но их муза, в течение веков воспевавшая Второй Рим,

молчала. Теперь писали о снегах России, улицах и переулках Петербурга и Москвы, но не о “вратах Царьграда” и храме Святой Софии.

С падением Константинополя (29 мая 1453 г.) под ударами турок прежний символ вроде бы потерял свое значение в глазах русского народа. Или, может быть, он вернулся к истокам своего сознания. Ведь первоначально в еще только зарождающемся российском сознании образ Константинополя/Византии имел отрицательный характер, ибо олицетворялся с внешней угрозой. После исчезновения

Византии как государства-конкурента происходит метаморфоза. В российском сознании Империя обретает иной – уже положительный смысл и желание повторить, воспроизвести ее в русском пространстве. Соответственно усилилось его воздействие как символа-ориентира в формирующемся сознании именно России.

Набиравшие силу русские княжества и Русская Православная Церковь, понимая это, стремились добиться для русской метрополии независимости, что являлось отражением не только политических и идеологических амбиций, но и развивающегося национального русского сознания, его стремлением к самоутверждению.

С принятием христианства русские княжества если не сравнивались с Византией, то сравнивались с европейскими княжествами и королевствами, принявшими христианство от Рима. В то же время новокрещенные русичи не собирались стать сателлитами Византии и Константинопольского патриаршего престола. Этому способствует в определенной степени татаро-монгольское нашествие в XIII в., которое ведет к сокращению активных политических и культурных связей с Византией. Относительная изоляция от Византии, а затем ее гибель явились одним из факторов, способствовавших формированию самодостаточного политического сознания России.

В XIV–XVI вв. русское утверждало себя в споре с Константинопольским престолом, претендующим на вселенский характер и на высшую иерархию на Востоке. Это стало традицией, которая сохраняется по сей день. Причем и сегодня, как и в советский период, государство защищает один из бастионов российского самосознания.

Интересно, что соперничество двух православных церквей нашло свое продолжение после распада СССР, когда Кон-

стантинопольский Патриарх согласился принять под свое начало созданную официальным Таллинном в оппозицию Московскому патриархату новую Эстонскую Апостольско-Православную Церковь. Этот неканонический акт даже привел к прекращению на какое-то время церковных отношений двух мировых патриархатов.

Соперничество Вселенской и Русской православных церквей можно наблюдать и на Украине, в попытках константинопольского патриарха взять под свою опеку Украинскую автокефальную церковь.

Другим фактором осознания своей самодостаточности явился рост с XVI в. политической мощи и международного авторитета Москвы и международного авторитета Русской Православной Церкви новых мировоззренческих концепций, претендующих на альтернативное видение православного мира, оформившееся в конечном итоге в виде идеологии “*Москва – Третий Рим*” и той геополитической имперской идеи, в которой Константинополь занял свое прочное место как ее сакральная цель. В религиозных кругах Москвы начинают сравнивать Великого князя Московского с византийским императором Константином и обосновывают мысль о том, что Москва превратилась во второй Константинополь. Далее Москву стали сравнивать с “новым Римом”. Так, русский архетип в образе Константинополя все больше утверждается в политическом сознании. Теперь дело стало за практикой...

Особенность даже забытых и ушедших на периферию памяти архисимволов и символических идей – их способность к “оживлению” и к воплощению в практические действия отмечал еще известный русский философ А.Ф.Лосев: в “символе абстрагирующее мышление начинает вновь возвращаться к покинутой им объективной действительности, то есть тут же становится и некоторого рода практикой”⁴, “да еще и переделыванием действительности”⁴.

В стихотворении “Олегов щит” Ф.И.Тютчев и К.Ф.Рылеев в своих “Думах” опять возвращаются к легендарному походу “вещего Олега” на Констан-

тинополь. Причем Рылеев точно передает поход Олега к Константинополю и его результат:

*Боязни, трепету покорный,
Спасти желая трон,
Послов и дань — за мир позорный
К Олегу шлет Леон,*

*Объятый праведным презреньем,
Берет князь русский дань,
Дарит Леона примиреньем —
И прекращает брань.*

*Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.*

Так, и религиозная символическая мифологема “Москва – Третий Рим” трансформируется в официальную политическую идеологию выросшей к концу XVII в. до России Московской Руси, а затем начинает материализоваться в во внешней великодержавной политике.

Национальный миф сопрягается с реальной ближневосточной политикой России, берущей, как писал Н.Я.Данилевский, свое начало еще во времена древней Греции и Рима⁵. Об этом же писал философ Вл.С.Соловьев в своей известной статье “Русская идея”, где он утверждает, что русская империя является “ответственной преемницей Византии”⁶. Экономист-западник П.Б.Струве также был убежден, что восточное (южное) направление России является “вековым стремлением русского племени и русского государства”, и относил это к числу живых традиций, которые следует поддерживать⁷.

Известно, что еще Екатерина II своим “греческим проектом” стремилась воссоздать (или перенести) символическое греко-византийское культурное пространство на завоеванных Россией

причерноморских территориях бывшей византийской периферии. По воле императрицы там, где когда-то существовали античные колонии эллинов и Византии, возникали новые населенные пункты с греческими названиями или переименовывались существующие крымско-татарские и турецкие. Россия также оказывала содействие по переселению на эти территории из Османской империи греков и других православных (в том числе и так не любимых сегодня в России албанцев).

Безусловно, что активность России в бассейне Черного моря можно объяснить геополитической целесообразностью – необходимостью выхода на наиболее удобные геостратегические позиции из-за международной обстановки. В то же время военные успехи в Черноморье дают основания для общества увидеть в этом и начало исполнения великой миссии России, что находит свое отражение как в поэтическом творчестве национальной элиты (например, Г.Р.Державина⁸), так и в народных исторических песнях⁹.

Как считают исследователи, религиозная идеологема “Москва – Третий

Рим” в XIX в. не просто становится идеологическим стержнем всей внешней политики России, но и одновременно фактором консолидации нации с консервативно-охранительным содержанием и, что важно отметить, – антитезой западному образу жизни, его экономизму и утилитарному рационализму.

В этой связи внешнеполитическая деятельность России в мировом пространстве воспринималась национальным со-

*Четвертый век уж на исходе,
Свершится он – и грянет час!
И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенит Христов алтарь.*

В то же время осмысление своих византийских корней и их реабилитация стали началом “поворота” сознания элит России “от Европы ... к себе”. То есть речь шла о серьезном изучении своего коллективного “Я”. Это проявляется и в собирании русских былин и фольклора, и в первой русскоязычной оперы Мусоргского, и в диалоге русских славянофилов и русских западников. Другими словами, Россия от критикуемого

знанием, прежде всего, именно в аспекте преемственности по отношению к восточно-римской византийской цивилизации, а значит и соответствующего противопоставления западно-римской, европейской цивилизации. Это вдохновляло и мобилизовало общество, являлось фактором его консолидации. Центральной идеей – была мечта, цель – освобождение Константинополя.

В стихотворении Тютчева “Пророчество” есть такие строки:

Чацким нижегородского французского переходит на родной русский.

Очевидно, это имеет место и в настоящее время, когда Россия пытается найти себя в своей же русской истории. Ведь когда-то русские, покидая Россию, увезли ее исторические национальные мифы, символы и ценности. И прервалась связь времен. Как писала русская поэтесса Ирина Кнорринг из эмиграции:

*Стучали волны в корабли глухие,
Впивались в ночь молящие глаза. Вы помните ...
Мы отошли от берегов России.*

В настоящее время Россия пытается вернуться к своим национальным истокам, вернуться на свои берега.

¹ Православный палестинский сборник. 31-й (94-й) выпуск. Издание Императорского Православного Палестинского Общества. М., 1992. С. 64.

² Цит. по: *Лихачев Д.С.* Национальное самосознание Древней Руси. М., 1945. С. 19, 12.

³ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества. М., 1982. С. 60.

⁴ Лосев А.Ф. *Философия. Мифология. Культура.* М., 1991. С. 249, 250.

⁵ *Данилевский Н.Я.* Сборник политических и экономических статей. М., 1890. С. 65.

⁶ *Соловьев Вл.С.* Русская идея // Русская идея. Сб. статей. М., 1992. С. 203.

⁷ *Струве П.Б.* Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль, 1908. Кн. 1. С. 143.

⁸ *Державин Г.Р.* Стихотворения. М., 1983. С.73–78, 90–91, 93.

⁹ Русские исторические песни. М., 1988. С. 156–158.